

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

А. Д. Дридзе

«БРАТСТВО ПО КОРАБЛЮ»

Внимание исследователей систем родства уже сравнительно давно привлекает так называемое «псевдородство» («pseudo-kinship»), или «ритуальное родство» («ritual kinship»). Сводку работ по этой проблеме на конец 60-х годов опубликовал Дж. Питт-Риверс в «Интернациональной энциклопедии социальных наук». Автор выделяет здесь следующие основные моменты. Возникшее на основе «псевдородства» товарищество, во-первых, зависит от индивидуальной воли участников (хотя и не всегда: в ряде случаев членство наследуется от родителей или, по крайней мере, требует их одобрения). Во-вторых, оно предполагает целый комплекс взаимных обязательств, прежде всего по оказанию помощи (материальной и моральной). В-третьих, появляется подчас довольно сложная система брачных запретов, иногда превращающая товарищество в экзогамный организм и действующая как для первого, так и для последующих поколений; иногда же, наоборот, предпочитают эндогамные браки¹.

Однако, хотя литература по этой проблеме не так уж скудна, исследователи, оказывается, никогда не обращались специально к такому виду «псевдородства», как «братство по кораблю». Речь идет об отношениях, возникших между рабами (или законтрактованными рабочими), которых перевозили на одном и том же корабле. Отношения эти мало известны. Не только монографии, но даже и специальных статей о них, насколько удалось установить, не существует. Не упоминает о них в своем обзоре и Питт-Риверс.

Все те немногие авторы, которые пишут о «братстве», — англоязычны. За редким исключением (об этом позднее), все они применяют для обозначения связанных им людей один и тот же термин — «shipmate». «Mate» означает, собственно, «товарищ», «друг», однако, как мы сейчас увидим, правильнее было бы говорить именно «брат».

Вопрос о происхождении «братств» пока даже не ставился. Можно предполагать, что возникли они в сравнительно недавнее время. Во всяком случае, античных параллелей им не существует². Не существует и параллелей африканских³.

Материал, который пока удалось выявить, достаточно однороден как географически (преимущественно вест-индский регион), так и хронологически (XIX в.). Однако есть указания, что эти отношения сложились раньше. Так, ямайский плантатор (он же довольно известный в свое время писатель и политический деятель) М. Г. Льюис (1775—1818) оста-

¹ Подробнее см.: J. Pitt-Rivers. Pseudo-kinship.— «The International Encyclopaedia of Social Sciences», v. 8, 1968, p. 410 сл. Там же приведена основная литература вопроса.

² См., в частности: А. Валлон. История рабства в античном мире. М., 1941.

³ См., например, С. Абрамова. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье в XV—XVIII вв. М., 1966. Там же приведена более ранняя литература.

вил такую запись в своем дневнике за 1817 г.: «Я спросил сегодня одного из моих слуг-негров, не родственник ли ему старый Льюк.— Да,— ответил он.— Дядя или двоюродный брат?— Нет, масса.— Так кто же?— Они с моим отцом братья по кораблю, масса»⁴.

Несколькими годами позже появляется следующее свидетельство: «Между африканцами, привезенными с родины на одном и том же корабле, возникает дружба, которая продолжается обычно до конца жизни. „Брат по кораблю“— такое между ними существует обращение,— по-видимому, воспринимается ими как нечто синонимичное брату или сестре»⁵.

«„Брат по кораблю“— пишет наблюдатель спустя 10 лет,— это самое дорогое слово, обозначающее узы самых нежных чувств среди африканцев... Они рассматривают детей друг друга как своих собственных»⁶.

Современные исследователи упоминают еще об обычае гостеприимства и о каких-то еще иных «признанных обязательствах»⁷, а также о том, что «между братьями и сестрами по кораблю были столь крепкие узы, что половые отношения между ними считались, как замечает один наблюдатель, incestом»⁸.

При крайней скудости источников каждый из них приобретает особую ценность. Это в свою очередь налагает на каждого исследователя обязанность быть скрупулезно точным. К сожалению, в работе О. Паттерсона, в целом чрезвычайно интересной⁹, это правило соблюдается не всегда. Так, сообщая, что дети называли тех, с кем совершили переезд их родители, «дядя» и «тетя», исследователь ссылается в подтверждение на М. Г. Льюиса, и именно на то место, которое процитировано нами выше и, как, видит читатель, ничего подобного не содержит¹⁰.

Можно ли считать случайным то обстоятельство, что все выявленные материалы относятся к о. Ямайка? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Во-первых, на протяжении многих и многих десятилетий Ямайка была крупнейшим невольничьим рынком Западного полушария, через который прошло, видимо, не менее миллиона африканцев. Во-вторых, как справедливо указывает О. Паттерсон, на острове долгое время существовало совершенно уникальное соотношение негров и белых — 10:1 (максимум на других островах составлял 8:1, на Барбадосе — 4:1, а в США только Южная Каролина и Миссисипи имели превышение негритянского населения над белым). В-третьих, для Ямайки характерен необычно большой процент рожденных свободными африканцев (примерно 50% в середине XVIII в. и более 25% к концу столетия)¹¹.

Вместе с тем уже известный нам М. Смит подчеркивает, что социальное значение братства «было ограниченным, ибо рабы после высадки обычно широко расплылись по всему острову»¹². Очевидно, здесь

⁴ M. G. Lewis. A journal of a West India proprietor. London, 1845, p. 350.

⁵ J. Stewart. A view on past and present state of the island of Jamaica. Edinburgh, 1823, p. 250 n.

⁶ F. Kelly. Voyage to Jamaica and narrative of 17 years residence in that island. London, 1838, p. 45 (цит. по: O. Patterson. The sociology of slavery. London, 1967, p. 150). Книги Ф. Келли в наших библиотеках нет, удалось установить, однако, что вышла она не в Лондоне, а в Белфасте.

⁷ M. G. Smith. The plural society in the British West Indies. Berkeley and Los Angeles, 1965, p. 107.

⁸ O. Patterson. Указ. раб., с. 150.

⁹ Нам приходилось уже указывать в печати на это обстоятельство (А. Д. Дридзе. Ямайские маруны. М., 1971, с. 7, 36).

¹⁰ См.: O. Patterson. Указ. раб., с. 150; M. G. Lewis. Указ. раб., с. 350. Просмотр книги Льюиса показал, что никаких других материалов о братьях по кораблю в ней нет. Кроме того, надо добавить, что Паттерсон датирует эту работу 1816 г., в то время как она вышла несколько десятилетий спустя, а стр. 350, на которую он ссылается, содержит данные за 1817 г.

¹¹ Подробнее см.: O. Patterson. Указ. раб., с. 274—278; А. Д. Дридзе. Указ. раб., с. 49.

¹² M. G. Smith. Указ. раб., с. 107.

и надо искать ключ к тому, что сведения по интересующему нас вопросу отличаются крайней скудостью, что такие крупнейшие историки острова, как Э. Лонг и Б. Эдвардс¹³ вообще о братстве не упоминают.

Но если даже по Ямайке мы располагаем столь малым числом данных, то по Соединенным Штатам, например, указаний на братство вообще не встречается. Не связано ли это с тем, что значительная часть рабов поступала на материк через Ямайку, невольничий рынок которой «распылял» попавших в рабство африканцев на многие и многие тысячи миль друг от друга?

Таким образом, налицо тесные узы, выходящие за пределы первого поколения, предусматривающие определенные обязательства (гостеприимство) и определенные табу. Несмотря на скудость имеющихся данных, они заслуживают внимательного рассмотрения. М. Г. Смит, разумеется, прав, объясняя специфику братства теми условиями, в которые попадали рабы по приезде на Ямайку. Поддерживать отношения были в состоянии только те, кто оказывался на одной плантации или хотя бы по соседству. Добавим, что если братство запрещало половые отношения между пассажирами одного и того же корабля, то влиять на выбор брачного партнера, как правило, не могло, ибо рабы в этом отношении целиком зависели от хозяев. Любопытно, что хотя некоторые авторы (Дж. Стюарт, М. Г. Смит) ограничивают братство по кораблю одним (первым) поколением, интересные сообщения М. Г. Льюиса и Ф. Келли говорят о том, что эти отношения выходили за пределы указанного поколения...

Существовали ли какие-то организационные формы, объединявшие всех невольных пассажиров одного и того же корабля? Пока свидетельств этому мы не обнаружили. Если они и существовали, то в силу указанных выше причин функционировать им было весьма трудно.

Чрезвычайно интересно, однако, что описанные отношения и связи возникли вновь уже на несколько иной основе и несколько позднее: в связи с ввозом на вест-индские острова законтрактованных рабочих из Индии.

Следует сразу же сказать, что влияние негритянского варианта здесь полностью исключено: формировались индийские «братства» еще до высадки в Вест-Индии, следовательно, до встречи с неграми; кроме того, обоюдное незнание языков еще долгое время делало общение индийцев и негров невозможным. Нельзя забывать и об антагонизме, разделявшем тех и других.

Другой момент, привлекающий внимание, состоит в том, что можно точно датировать время появления индийских братств, ибо хорошо известны как начало ввоза на Антильские острова рабочих из Индии (середина 40-х годов XIX в.), так и время прекращения этого миграционного потока (начало XX в.), а еще точнее — 1845—1917 гг. (с небольшим перерывом в первое десятилетие)¹⁴. Всего было набрано более 150 тыс. чел. Львиная доля — 143,9 тыс. — пришлось на Тринидад (и только по Тринидаду у нас есть сведения о «братствах»). Подавляющее большинство иммигрантов происходило из отдельных районов Индии (нынешние штаты Уттар-Прадеш, Бихар и прилегающие местности). После истечения срока контракта рабочие имели право бесплатного возвращения на родину. Этим правом, однако, воспользовалось не более трети из них. В настоящее время потомки законтрактованных рабочих из Индии составляют, видимо, не менее 40% населения Тринидада (по переписи 1960 г. — около 37%, перепись 1970 г. данных об этническом составе не содержит).

¹³ См.: *E. Long. History of Jamaica, v. I. London, 1774; B. Edwards. A history, civil and commercial of the West Indies, v. I—III. London, 1801—1802.*

¹⁴ Подробнее см.: *А. Д. Дридзе. Начало иммиграции индийцев в Вест-Индию. — В сб.: «Страны и народы Востока», вып. XIV. М., 1972, с. 267—277.*

Неплохо изучены и обстоятельства вербовки и переезда, в частности то влияние, которое они оказали на многие «существеннейшие стороны социально-кастовой организации переселенцев.

Так, уже самый факт переезда через море означал потерю касты (во всяком случае, для индусов высокой кастовой принадлежности). Помимо этого, условия, сложившиеся на корабле, полностью исключали возможность соблюдения кастовой сегрегации: ни жить, ни есть отдельно люди разных каст во время переезда не могли. Единственное исключение, на которое пошли колонизаторы, было связано с разделением во время еды индусов и мусульман; обусловлено это, думается, прежде всего боязнью беспорядков в очень сложной обстановке невольничьего корабля.

Однако, вступив на тринидадскую землю, индусы моментально восстанавливали кастовую иерархию, по крайней мере в большинстве ее проявлений. И если для оставшихся на родине ортодоксов переселенцы представляли собой просто «сборище людей, лишенных касты, то среди самих переселенцев кастовые нормы возродились и (хотя и не в такой степени, как в XIX в.) соблюдаются до сих пор»¹⁵.

Переезд и все с ним связанное не могли не повлиять на социальную организацию иммигрантов и в другом плане. Действительно, все эти резкие изменения условий их жизни породили некоторые новые формы, никогда не встречавшиеся на их родине. Мы имеем в виду именно упомянутые выше «братства по кораблю».

Об этих «братствах» говорят многие исследователи¹⁶, однако весьма лаконично и почти без всяких подробностей. Связано это, видимо, прежде всего с тем, что в процессе полевых исследований проблеме «братств» уделялось минимальное внимание. Наиболее подробное описание принадлежит американке Джоан Косс. Оно опубликовано в малораспространенном этнографическом журнале¹⁷ и осталось неизвестным даже составителю капитальной библиографии по Вест-Индии за 1900—1965 гг.¹⁸ Однако и эта работа очень невелика по объему, а интересующему нас вопросу отведено всего полстраницы.

То, что к настоящему времени известно о «корабельных братствах», сводится к следующему.

Принадлежность к «братству» определялась переездом на одном корабле. Те, кто такой переезд совершил, становились в глазах друг друга как бы родственниками, притом весьма близкими — братьями и сестрами. Так же рассматривали друг друга и их дети, а родители каждого воспринимались ими как классификационные отцы и матери. Более того, молодые пассажиры относились к женщинам, совершавшим с ними переезд, как к матерям.

Путешествие на одном и том же корабле было определяющим фактором. Время же путешествия такой роли не играло. Если люди прибывали на остров примерно в одно и то же время, это их ничем не объединяло. Но переезд на одном корабле, пусть даже не в одно время, имел определяющее значение; в этом случае принималось во внимание и время, но уже как вторичный фактор.

¹⁵ Проблема каст среди тринидадских индийцев исследовалась в последнее время довольно интенсивно. Помимо разделов в общих работах, см. статьи, вошедшие в сборник: *B. Schwartz* (ed.) *Caste in Overseas Indian Communities*. San Francisco, 1967; *Y. K. Malik*. *East Indians in Trinidad*. London — New York — Toronto, 1971.

¹⁶ См., например: *M. Klass*. *East Indians in Trinidad*. N. Y., 1961, p. 107; *J. Jha*. *Indian heritage in Trinidad*. — «*Journal of Social Research*», v. XV, № 2, 1972, p. 341; *его же*. *East Indian pressure groups in Trinidad, 1891—1921*. — «5-th Conference of Caribbean Historians», St. Augustine, 1973, p. 9.

¹⁷ *J. Koss*. *Cultural conservation among East Indians in Trinidad*. — «*Bulletin of the Philadelphia Anthropological Society*», v. 12, № 3, 1959.

¹⁸ *L. Comitas*. *Caribbeana 1900—1965. A topical bibliography*. Seattle and London, 1968.

Наиболее близким считалось «братство» тех, кто прибыл на Тринидад одним и тем же рейсом одного и того же корабля. Примерно так же котиновалось прибытие тем же кораблем, но уже другим рейсом, однако на протяжении того же года; правда, здесь существовали некоторые оттенки, но не они определяли суть отношений. Те же, кого привозили все на том же корабле, но уже год, два, три спустя также считались «братьями», но рассматривались уже как более дальние родственники.

Все это очень отчетливо проявлялось в установленных «братствами» брачных нормах.

Для близких «братьев» правилом была экзогамия. Для дальних она не исключалась, но возможными были и эндогамные браки, по крайней мере для их сыновей и дочерей. Такие браки даже поощрялись «братством», которое видело в них средство упрочения «братских» связей и отношений.

Принадлежность к «братству» становилась для человека определяющей, особенно в первые годы и даже десятилетия после начала индийской иммиграции на Тринидад. Семья не играла такой роли — ведь именно «братство» регламентировало важнейшие правила ее создания. Не играла такой роли и каста: границы «братства» перекрывали кастовые границы, и внутри него они, насколько можно судить, теряли свое значение. При этом надо иметь в виду, что кастовый состав иммигрантов был довольно разнообразен (в среднем за вторую половину XIX в. можно опереться на следующие данные: брахманы и другие высшие касты — 13—18%, земледельческие касты — 25—32%, низшие касты (включая неприкасаемых) — 40—48%; менее всего были представлены ремесленные касты)¹⁹.

Законом и основной целью создания «братства» была взаимопомощь. Выбитые из колеи, разорвавшие все прежние связи, попавшие в чужие, неведомые края, иммигранты стихийно объединились в организацию, позволявшую им хоть на что-то опереться в трудной жизни, которая ждала их за двумя океанами.

Каждый член «братства» мог рассчитывать на совет, содействие, экономическую поддержку остальных. Каждое поколение «братьев» оказывало помощь не только друг другу, но и «братьям» следующего поколения. Потерявший отца обращался к его «братьям», и они всегда шли ему навстречу. Если кто-то из «братьев» подвергался оскорблению или на него, скажем, кто-то нападал, то остальные тут же вставали на его защиту. Этот обычай подчас находил отражение даже в такой сфере, как классовая борьба. Так, современный тринидадский исследователь профессор Дж. Джха, индеец по происхождению, обнаружил в «Порт-оф-Спэйн Газетт» за 1894 г. описание следующего эпизода, не попавшего ранее в поле зрения специалистов. Летом этого года на тринидадской плантации Мондизир вспыхнули волнения рабочих-индийцев. Четверо их руководителей обратились к плантатору Юджину Лэнджу с требованием выплатить им жалование в договоренном объеме. Лэндж предложил рабочим подать заявление протектору иммигрантов (так назывался чиновник, ведавший делами индийцев). Они, однако, отказались это сделать и заявили хозяину, что «пусть их хоть расстреляют, но пока не заплатят, они из его дома не уйдут». Затем, с криком «маррах!» (бей!) они и присоединившиеся к ним несколько их товарищей по кораблю («джахаджи бхай» или «shipmate») бросились на плантатора и на надсмотрщика. Как того, так и другого спасли «другие индийцы», присутствовавшие при этом. По-видимому, не все рабочие Мондезира были склонны поддерживать выступление, может быть, даже «бунтовщики» оказались в меньшинстве... Однако братья по кораблю сразу бросились к ним на помощь даже в такой си-

¹⁹ Подробнее см.: А. Д. Дридзо. Начало иммиграции индийцев в Вест-Индию с. 272—277.

туации. Суд приговорил зачинщиков к четырем месяцам каторжных работ каждого²⁰.

Особенностью «корабельных братств» является и система регулярных встреч в масштабе всего острова. Сами «братья» первого поколения (сейчас на Тринидаде еще насчитывается несколько тысяч индийцев, лично совершивших переезд), а также их потомки поддерживали связи между собой и тогда, когда срок работы на плантациях подошел к концу, и бывшие законтрактованные рабочие стали расселяться по деревням, а затем постепенно мигрировать в города. Присутствие братьев на всех семейных торжествах, а также на похоронах продолжало оставаться обязательным. Постепенно из-за больших расстояний собираться регулярно становилось все труднее, и тогда возникло новое обыкновение: встречаться раз в год, когда на ипподроме Порт-оф-Спэйна, главного города Тринидада, проводятся скачки. На этих встречах происходит обмен новостями, поддерживаются и расширяются традиционные связи.

Наблюдения Дж. Косс позволяют прийти к выводу, что даже если «братья» принадлежат к разным партиям или местным соперничающим политическим группам, связь между ними не прерывается. Эта же исследовательница считает, что создание «братств» должно было заполнить вакуум, остро ощущавшийся иммигрантами, нормой для которых была большая семья (правда, постепенно такая семья появилась и в условиях Тринидада, но, как мы это уже знаем, это не привело к отмиранию «братств»). Затем, отмечает она, создание «братств» восстановило на новой почве экзогамные и, отчасти, эндогамные группы, связь с которыми иммигранты утратили, покинув Индию. По ее мнению, «братства» становились ядром при создании индийских деревень, возникавших по мере ухода с плантаций рабочих, отслуживших срок. С этим, однако, трудно согласиться. Хотя тринидадская индийская деревня изучена пока еще мало (это делалось только супругами Найхофф, М. Классом и затем Б. Сварцем, из них последние двое посвятили работы лишь одной определенной деревне каждый), никто из этих исследователей и никто из остальных специалистов, занимавшихся этой проблемой, к подобному выводу не пришел. Кроме того, если бы деревни возникали так, как предполагает Дж. Косс, то обычай посещений и встреч, о котором она пишет, лишается всякого смысла. По-видимому, при расселении по деревням «братья» не ставили перед собой задачи непременно объединиться.

Любопытно было бы сопоставить то, что нам известно об индийских корабельных братствах, с достаточно обширным материалом по другим районам, куда также в XIX в. ввозили законтрактованных рабочих из Индии. В масштабе региона речь здесь может идти либо о Гвиане (прежде всего о Гайане), либо о Ямайке (хронологические рамки иммиграции там примерно те же, что и на Тринидаде).

Индийцы Ямайки изучены пока слабо. Им посвящены лишь три работы²¹. В процессе подготовки последней из них автор постарался собрать об этой этнической группе все, что только было возможно, но о «братстве по кораблю» не встретилось даже упоминания. Не удалось ничего найти и по другим вест-индским островам.

Индийское население Гайаны исследовано лучше. Но и здесь ничего найти не удалось²².

²⁰ J. C. Iha. East Indian Pressure Groups in Trinidad, p. 8, 9.

²¹ M. Beckwith. The Hussy festival in Jamaica.—«Publications of the Folk-lore Foundation (Vassar College)». N. Y., 1924; A. S. Ehrlich. History, ecology, and demography in the British Caribbean: an analysis of East Indian Ethnicity.—«Southwestern Journal of Anthropology», v. 27, № 2, 1971; А. Д. Дридзо. Индийцы Ямайки. К проблеме малых этнических групп в Карибском регионе.—«Расы и народы», вып. 5, М., 1975.

²² См., в частности: D. Nath. History of Indians In British Guiana. London, 1970.

Известно, что значительная эмиграция индийцев происходила не только в Западное, но и в пределы Восточного полушария. Данные по Юго-Восточной и Южной Азии, однако, не содержат нужных нам материалов.

Сравнительно рано (с 1829 г.) началась и сравнительно долго (1835—1907, 1922—1923 гг.) продолжалась эмиграция индийцев на Маврикий. Всего там индийцев сейчас 450 тыс. чел. (67% населения). Однако «братства по кораблю» среди маврикийских индийцев неизвестны²³.

Несколько позднее началась эмиграция индийских рабочих на Фиджи. В 1879—1916 гг. за 87 рейсов туда было перевезено 60,9 тыс. чел. Сейчас в этом государстве индийцев насчитывается 260 тыс., т. е. почти половина населения. Поиски данных о братствах по кораблю в фиджийских материалах оказались более плодотворными.

Так, в одной из работ по фиджийским индийцам находим следующие данные. «Самыми важными узлами среди иммигрантов (кроме приехавших к родственникам) были связи между братьями по кораблю, или „джехази“, и эти связи сильны даже в наше время. Хозяева жаловались, что эти братья по кораблю отказывались давать показания друг против друга или противились разделению при переводе на другие плантации. «Джехази» заняли место родственников в некоторых обстоятельствах, связанных с соблюдением обычаев»²⁴.

Мы встречаем здесь интересные оттенки отношений по «братству». Показательно, однако, что и тут перед нами — весьма краткое упоминание, причем Джиллион, по-видимому, единственный автор, уделивший внимание интересующему нас вопросу. Показательно и то обстоятельство, что он ссылается не на монографию или статью кого-либо из своих предшественников, но непосредственно на архив. Обычно этот исследователь делает так лишь в том случае, если никто из писавших до него не упоминает приводимых им данных.

Известно, наконец, что происходили и довольно значительные миграции индийцев в Африку — преимущественно Восточную и Южную. Однако в первом случае «братства» возникнуть попросту не могли, ибо вербовка по контрактам, хотя и происходила, но масштабы ее были сравнительно невелики; большая часть индийцев прибывала сюда в гораздо менее стесненных условиях, чем это происходило при миграции в Америку или на Фиджи²⁵. Между тем именно несвобода в период переезда оказывается существенно важным условием возникновения «братства».

Несколько иначе должно было бы обстоять дело с индийцами Южной Африки. Однако, как справедливо отмечает советский исследователь А. Б. Давидсон, «вообще о первых десятилетиях жизни индийцев на Юге Африки известно не так уж много»²⁶, причем «этот вопрос изучен очень неравномерно. Почти вся существующая литература относится к двум темам. Одна тема — расовая дискриминация... Другая тема — Ганди»²⁷. Просмотр работ советских исследователей по южноафриканским индийцам, а также тех работ зарубежных авторов, которые были там использованы, не дал искомым результатов.

Таким образом, то немногое, что пока удалось установить, позволяет прийти к следующим выводам. «Братства» появляются только там, где имеет место морской переезд, причем непременно длительный. В Вест-Индию, например, парусник шел из Индии около пяти месяцев. Эти дан-

²³ B. Benedict. Indians in a plural society. London, 1961; *его же*. Mauritius. Problems of a plural society. London, 1965.

²⁴ K. L. Gillion. Fiji's Indian Migrants. Melbourne, 1973, p. 126.

²⁵ Подробнее см. Л. А. Демкина. Национальные меньшинства в странах Восточной Африки. М., 1972.

²⁶ А. Б. Давидсон. Южная Африка. Становление сил протеста. 1870—1924. М., 1972, с. 188.

²⁷ Там же, с. 187, 188. Среди работ по первой теме есть две монографии советских ученых: П. Шаститко. Сто лет бесправия. М., 1963; Д. Мухамедова. Из истории расовой дискриминации индийцев в Южной Африке. Ташкент, 1965.

ные приходится на одно из «пиковых» десятилетий иммиграции — 70-е годы XIX в., а в более раннее время переезд мог быть и еще продолжительнее²⁸. Парусный корабль доходил из Индии до Фиджи в среднем за 73 дня, т. е. почти за 2,5 месяца²⁹. Пароходы же для перевозки иммигрантов стали использовать лишь в начале XX в., когда миграция переживала уже не подъем, а упадок. Достаточно долгим был и переезд в Южную Африку.

Разумеется, перевозка рабов из Африки в Америку также требовала длительного времени. В то же время на Маврикий можно было добраться максимум за 2 месяца (в те же 70-е годы)³⁰, а в Юго-Восточную Азию и Восточную Африку и того быстрее (добавим, что в последнем направлении иммиграция началась уже в эпоху значительно более высоких скоростей).

Далее, переезд должен был совершиться в страну сравнительно небольшой площади, иначе дальнейшие связи между пассажирами одного и того же корабля оказывались невозможными (может быть, здесь и надо искать объяснение отсутствию «братств» у негров США?). Переезд, наконец, должен был быть совершен в условиях хотя бы некоторой неслободы, сплотивавшей пассажиров невольничьего или почти невольничьего корабля.

Перечисленным условиям удовлетворяют лишь несколько стран (или регионов) назначения. Теперь становится ясной причина отсутствия параллелей в античное время (когда морские переезды, да и то на короткое расстояние, были довольно редким исключением). То же самое можно сказать и о внутриафриканской работорговле.

В то же время, как нам представляется, дальнейшие поиски могут принести результаты при обращении к гвианскому, островному вест-индскому, южноафриканскому материалу (в первом и втором случае как по неграм, так и по индийцам). Условия, о которых только что шла речь, в этих районах — налицо. Не совсем безнадежными могут оказаться и поиски на материале США и Бразилии.

И наконец, изложив все, что пока удалось обнаружить по вопросу о «корабельных братствах», можно попытаться определить причины их возникновения.

Уже упоминалось о том, какую роль играл для ортодоксального индуиста переезд через море. Это была своего рода смерть — если не физическая, то моральная, религиозная. Даже если кастовая принадлежность человека была невысокой, и переезд через море был для него «несмертелен», он все равно оказывался в тяжелейшем положении из-за того, что не смог соблюдать сегрегации, что принимал пищу у тех, кто по догмам индуизма ее осквернял. Люди, которых эта «смерть» объединяла, достигали неведомого берега и, высаживаясь на него, начинали новую жизнь — уже по ту сторону «смерти». Они, по удачному выражению С. Я. Серова, «как бы рождались заново из чрева корабля». Это, вероятно, и объясняет те отношения братства, которые между ними возникали.

Приложимо ли такое объяснение к более раннему материалу, связанному с рабством негров?

Насколько нам известно, специально вопрос о «морских суевериях» в этой плоскости не изучался. Однако Д. А. Ольдерогге обратил внимание автора этих строк на то обстоятельство, что обитатели Западного побережья Африки никогда не выходили в открытое море: даже лодки, которыми они пользовались для прибрежной рыбной ловли, не были рассчитаны на подобные плавания. Когда африканцы впервые увидели мор-

²⁸ P. Saha. *Emigration of Indian Labour. 1834—1900.* Delhi — Allahabad — Bombay, 1970, p. 99.

²⁹ K. L. Gillion. Указ. раб., с. 59.

³⁰ P. Saha. Указ. раб., с. 99.

ские суда, то восприняли их как своего рода живые существа, а люди на этих судах составляли, в представлении африканцев, единое целое со своими кораблями и даже двигаться без них не могли³¹. Более того, многие африканские народы восприняли первых европейских колонизаторов не как людей, но как духов с того света; это нашло даже отражение в некоторых языках банту.

На этой почве вполне могли развиться те суеверия, о которых мы только что говорили. Показательно, что у некоторых народов Африки соответствующие представления были выражены еще отчетливее. Так, в Кайоре (одно из государств волофов на атлантическом побережье Сенегала, между р. Сенегал на севере и п-овом Зеленого мыса на юге) «дамель»³² и народ... верят, что дамель неминуемо умрет в течение года, если он пересечет реку или проплывет по морю. Поэтому дамель всегда живет на континенте и никогда не бывает в Горе и Сен-Луи»³³ (острова близ Зеленого мыса и в дельте р. Сенегал). Это сообщение, относящееся к 1785—1788 гг., проливает дополнительный свет на механизм возникновения интересующих нас суеверий. Сопряженные с ужасами работорговли, эти предпосылки, безусловно, могли вызвать к жизни те представления о путешествии за море, о которых у нас идет речь.

Думается, что дальнейшие поиски в этом направлении позволят существенно увеличить число примеров — прежде всего на материале народов Западной Африки — района, откуда родом было подавляющее большинство рабов.

³¹ *Em. G. Waterlot. Les bas-reliefs des bâtiments royaux d'Abomey (Dahomey). Paris, 1926, planche V (texte).*

³² Дамель — титул верховного правителя.

³³ *J.-B.-L. Durand. Voyage au Sénégal. Paris, 1802, t. I, p. 98, 99. Указано Е. Н. Кальщиковым.*